

**Грибанов Д. В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ : монография.**
Екатеринбург : ИД «Уральская государственная юридическая академия»,
2013. 296 с.

Монография «**Правовые основы формирования инновационных систем**» посвящена комплексному осмыслению проблем правового регулирования в сфере инновационного развития общества, что является, как доказывает в работе автор, одной из важнейших задач теории государства и права. В работе исследуются проблемы социальной роли права, а также процессы формирования гражданского общества и правового государства в условиях инновационного развития, информатизации и глобализации современности.

Человеческое общество находится сегодня в ситуации развивающихся с неведомой ранее скоростью изменений, в основе которых лежит процесс трансформации новых знаний в реальные объекты промышленности, техники и социальной жизни. Мир начала третьего тысячелетия перешел в полосу инновационного развития, которое по глубине и степени своей революционизирующей силы и влияния на жизнь общества может быть сравнимо разве что с неолитической революцией, приведшей человечество к цивилизации. За текучестью обыденных процессов и ежедневно возникающих новых проблем и тревог управляющие структуры в России не видят и не осознают в полной мере и глубине этот фундаментально меняющий нашу современную жизнь факт. Поэтому избранная Д. В. Грибановым для исследования тема является сегодня более чем актуальной: от глубины теоретической проработки государственно-правовых вопросов зависит порой как эффективность и успешность внедрения в практику целого ряда инновационных достижений, так и безопасность человека и общества в целом.

В российской юридической науке, несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных правовому осмыслению инноваций, комплексное теоретико-правовое исследование данной сферы общественных отношений до публикации данной работы отсутствовало, что обуславливает научную новизну и своевременность монографии. Формирование качественной правовой теории – один из важнейших и необходимых шагов для любых преобразований в государственно-правовой сфере. И анализ правовых основ национальной инновационной системы не является здесь исключением, но, напротив, будет способствовать более органичному внедрению инновационной экономики знаний в реальную российскую действительность.

Не ставя перед собой задачу изложения содержания монографии, рассмотрим кратко наиболее важные теоретические положения и выводы, а в особенности вопросы, которые представляются наиболее дискуссионными и требующими дополнительного обсуждения и размышления.

Первая глава монографии – «**Понятие инновации в юриспруденции и других науках**» – нацелена на анализ инновации как социального явления, его творческих и научно-исследовательских оснований, а также анализ взаимодействия юриспруденции с другими науками, в особенности с экономической теорией, при изучении этого понятия и выявлении его юридического содержания. Категория «инновация» исследуется автором в системе близких и до определенной степени не расторгимых с ним понятий, таких как инновационная деятельность, инновационный процесс, инновационная сфера, инновационные отношения, инновационное инвестирование и соответствующая политика, модернизация и т. д. Дается классификация инноваций, рассматриваются ее творческие и научно-исследовательские основания. Во всех случаях основное внимание автора нацелено на вы-

деление не только сущности указанных процессов и явлений, но и главным образом их юридической составляющей.

Исходя из такого подхода инновация определяется автором как «новое юридически оформленное знание, реализованное в практической деятельности людей, удовлетворяющее потребности человека и общества» (с. 84). И далее автор указывает, что «главенствующее значение имеет признак информационно-правовой природы нового знания». В целом можно согласиться с таким подходом и с предложенным автором определением инновации. Возникает лишь вопрос в отношении ряда имеющихся в истории великих инноваций, которые кардинально изменяли и продолжают еще менять нашу жизнь как в целом, так и в отдельных ее подсистемах (бизнес, управление, образование и т. д.). Например, Интернет сам по себе в качестве так называемой виртуальной реальности, какие-то интернет-сервисы, социальные сети, поисковые системы – Гугл, Фейсбук, контекстная реклама, интернет-торговля и т. д., и т. п. На стадии своего зарождения они обладали всеми выделенными автором признаками, кроме подчас одного – юридического. И лишь позже, вслед за широчайшим распространением тех или иных инноваций политики, законодатели и юристы в разных странах мира начинают ломать голову, каким образом подвергнуть все эти инновации правовому регулированию. И даже после того, как такая задача осознана и поставлена, далеко не все пробелы в правовом регулировании подобного рода инноваций ликвидированы. В итоге получается, что если подходить формально к предложенному определению, то какие-то инновации, не имеющие юридической формы, перестанут, исходя из авторского определения, быть таковыми, а если смотреть на какие-то новые знания в нашей жизни по существу, как на «знания, реализованные в практической деятельности людей, удовлетворяющие потребности человека и общества» (с. 84), то возникают предположения о вторичности и случайности юридической формы для определения сути инновации. Юридическая форма инновации – важный, полезный и желательный ее признак, но, по-видимому, признак факультативный, не определяющий ее сущности.

С учетом высказанного сомнения можно в целом согласиться с анализом и аргументацией автора в отношении признаков инновации – с тем, что они представляют собой результат научного и иного творчества, что по большей части они реализуются через многочисленные юридические формы, что в своем завершенном состоянии выступают в виде продукта, технологии, услуги и других материальных форм, способных к воспроизводству, а также что они предназначены для удовлетворения определенных потребностей человека и общества, т. е. имеют экономический и иной социальный эффект (с. 84–85). Глубоко и основательно рассматривая все признаки и свойства инноваций, автор, как нам представляется, упускает из виду очень важный аспект, который необходим при юридическом подходе к данному явлению, при проработке проблем правового регулирования инноваций и правовых основ национальной инновационной системы, а именно: момент «прекращения» бытия инновации. Любые правоотношения когда-то возникают и когда-то прекращаются; право как высшее достижение человеческого разума «понимает», что в обществе нет ничего вечного, и потому право противится формированию каких бы то ни было вечных конструкций и вечных сущностей. С одной стороны, имеется момент зарождения инновации и здесь автор предлагает даже различать ее разные стадии и этапы возникновения, например так называемую «потенциальную или незавершенную инновацию» (с. 85), т. е. не реализованную в конечном продукте новую разработку, имеется также и сама инновация, реализовавшаяся в конечном массовом продукте – так называемое «внедренное новое», приносящее эффект и пользу как обществу в целом, так и, в том числе, прибыль предпринимателю-новатору. А с другой стороны, не определен момент,

когда инновация перестает быть таковой и когда в таком случае весь анализируемый автором особый юридический инструментарий должен был бы уступить свое место обычному правовому регулированию.

Юридический момент прекращения бытия инновации очень важен, ибо без него тогда получается, что весь мир только и состоит, что из инноваций – правда, возраст у них, конечно, разный: одним пять тысяч лет от роду, другим – 2–3 тысячи лет, а третьим-то и всего-ничего как год-два или даже неделя. Таким образом, без определения юридически четких границ жизни и, главным образом, «смерти», т. е. прекращения бытия инновации как таковой, мы получаем несколько странный образ мира, состоящего только из инноваций – ибо ведь все когда-то было впервые придумано и было когда-то совсем новым, но кажется, что все-таки не должно оставаться таковым вечно, подвергаясь особому инновационному правовому регулированию. Упустив из виду момент прекращения юридического бытия инновации, автор как бы растворяет инновации в мире любых других объектов правового воздействия, и право в таком случае, не будучи способным учитывать все необходимые особенности инноваций как таковых, не сможет их эффективно регулировать.

Автор с некоторым сожалением констатирует, что «на сегодня в Российской Федерации творческий процесс остается за пределами правового регулирования (в лучшем случае сюда можно отнести нормы, стимулирующие научную и производственную активность). А то регулирование, которое существует, ограничено сферой гражданского права» (с. 39). Если учесть, что творчество – это многогранный духовно-психологический процесс создания нового в самых разных областях человеческой деятельности и культуры: в науке, технике, искусстве, философии, религии, политике, праве и т. д., базирующийся на одаренности и определенной исключительности творца, силе его воображения, интуиции и интеллекта, с одной стороны, и охватывающий стадии от зарождения замысла до его осуществления, объективации вовне – с другой, то подчинить все это многообразие правовому регулированию просто невозможно, да и не нужно, ибо находится эта деятельность – и должна, по нашему мнению, находиться – за пределами правового регулирования. Вполне достаточно того, что объективированные результаты творческой деятельности урегулированы гражданским правом и в некоторых случаях рядом других отраслей права.

Автор указывает, что «сущность инновации может быть представлена в виде образа поэтапного перехода информации в инновацию» (с. 10, 84). Такой подход требует дополнительных пояснений, так как с логической точки зрения получается, что сущность изучаемого объекта находится вне его: сущность объекта находится в образе перехода информации в сам этот объект. Сомнителен особый акцент на потенциальной инновации, в том числе и указание на полезность знания, не реализованного в конечном инновационном продукте. Разумеется, любое знание имеет ту или иную пользу, если не доказано, как верно отмечает автор, обратное. Но ключевой-то признак инновации – внедрение и распространение нового знания в виде полезного для общества продукта, материала, услуги и т. п. Если же инновацией называть и потенциальное знание, и знание внедренное, то теряется этот последний, ключевой, признак и тогда любую имитационную деятельность, а также какие-то невнедренные знания смело можно причислять к инновационным и утверждать, что мы живем в национальной инновационной системе, для чего вполне достаточно одних только разговоров, газетных публикаций на указанную тему, т. е. простых «мечтаний» и одних только попыток инноваций, не доходящих до реального их воплощения в жизнь общества.

Возникает вопрос о том, можно ли говорить о понятии относительной или региональной инновации. Для нас это знание – новое, а для «них» – уже старое.

Возникает также вопрос и о том, что если инновации включены в более крупную общественную и культурно-технологическую систему, а потому развиваются и внедряются в какой-то жесткой последовательности, то можно ли говорить о каких-то инновационных комплексах, обязательных предпосылках, без которых невозможен инновационный прогресс, и что в этом отношении могло бы сделать право. Эту же самую проблему можно проиллюстрировать и (или) переформулировать на простых примерах. Например: можно ли внедрять демократические управленческие интернет-технологии или развивать интернет-торговлю в стране, где у большинства населения нет даже выхода в Интернет, нет достаточного количества необходимой для этого компьютерной техники, нет соответствующих знаний и умений, нет развитых национальных платежных (карточных и т. п.) систем и хорошего почтового обслуживания и т. д., и т. п.

Во второй главе – **«Национальная инновационная система в структуре гражданского общества и во взаимодействии с правовым государством»** – автор анализирует инновационное развитие общества, его важнейшие факторы, проблемы и уровни, роль и значение национальной инновационной системы для человека, гражданского общества и государства, а также государственную инновационную политику как средство осуществления инновационной функции государства. Очень интересной представляется его идея о необходимости анализа инновационной функции государства, ибо «доминантой общественного развития становится научно-технический прогресс и производство инноваций» (с. 89). В юридической литературе недостаточно уделяется внимания инновационной функции государства, и автор восполняет этот пробел, что вполне соответствует исповедуемому им системному и синергетическому подходам, которые нацеливают на решение проблемы целостным и исчерпывающим образом.

Важным и актуальным представляется проведенный автором анализ юридических барьеров и препятствий для инновационного развития общества: коррупция, недостатки управления, несовершенство законодательства и т. д. (с. 100–106).

Автор утверждает, что «инновационное развитие общества – это правовое понятие, которое определяется как система общественных отношений, институтов и норм, направленных на создание условий для разработки и реализации и саму разработку и комплексную реализацию новых знаний в различных сферах человеческой жизнедеятельности, способствующие повышению уровня жизни человека и социума, решению социальных проблем, обеспечивающие конкурентоспособность на рынке и в межгосударственных отношениях, повышающие эффективность реформ и преобразований» (с. 10, 108). Данное определение может быть в целом принято, но требует дополнительного обоснования тезис о том, что инновационное развитие общества – это именно «правовое понятие». Правовая составляющая может быть отыскана лишь в той части данного определения, где говорится о «системе общественных отношений, институтов и норм, направленных на создание условий для» инноваций: в системе данных отношений есть, конечно, и правовые отношения, в системе норм и институтов есть, конечно, и правовые нормы и институты, а также и государственно-правовые институты, но какова их доля, особенно если учесть, что возможны крупные инновационные события и без правового их оформления? Достаточно ли той, не такой уж и большой, доли участия правового регулирования в инновациях для того, чтобы все понятие «инновационное развитие общества» в целом стало правовым и попало в систему юридических категорий и понятий?

Известно, что право регулирует все наиболее важные общественные отношения, но можно ли на этом основании всю совокупность категорий, в которых описывается и объясняется наша жизнь и деятельность в экономической, политиче-

ской, социальной, духовной, религиозной и иных сферах и отношениях, включать в теорию государства и права? Или, другими словами, какая доля собственно юридического содержания должна быть в том или ином понятии, чтобы мы могли смело отнести его к правовым, как это делает автор с понятием «инновационное развитие общества»?

Интересен вывод автора о том, что инновационное общество – неотъемлемый этап на пути к гражданскому обществу и правовому государству, что исторически движение к указанным целям соотносится с научно-техническим прогрессом, а потому «формирование национальной инновационной системы есть закономерный этап развития гражданского общества» (с. 112), и что «национальная инновационная система в полной мере может сформироваться только в условиях гражданского общества и правового государства» (с. 113). Однако современность дает нам немало оснований для сомнений в таком оптимизме автора. Мы видим, что во многих странах мира, быстро идущих в русле инновационного развития, будь то Китай, Индия, Бразилия или Сингапур, положение с демократией, развитием гражданского общества и правового государства не может быть обрисовано в радужных тонах. Даже если взять лидера инновационного развития в мире – США, то и здесь мы бы сказали, что происходит прямо противоположный процесс, а именно сползание с прежних лидирующих позиций в развитии по пути построения правового государства, а также явная деградация в плане защиты прав человека как внутри страны, так в международных отношениях в особенности. На практике оказывается так, что чем больше в США лидирующих инновационных технологий, тем основательнее они используются для вмешательства в личную жизнь граждан как внутри страны, так и во всем мире. Инновации активно используются США для развития манипуляционных массмедийных и т. п. технологий, и оказывается даже, что при помощи именно новейших технологий делать это становится все проще и эффективнее (например, пугать американского и европейского обывателя сделанными из космоса снимками военной техники, находящимися возле некоторого пункта X; ведь, чтобы проверить подобные данные, надо лишь слетать в космос и посмотреть, совпадают ли эти снимки с предложенными или нет, и т. п.). Дело Эдварда Сноудена убедительно показывает, что инновационные технологии США используют отнюдь не для развития правового государства и защиты прав человека у себя и во всем мире, а для их грубого, циничного и бесцеремонного нарушения – причем обязательно под аккомпанемент красивых слов о демократии и правах человека. Сходные процессы, и в не менее широких масштабах, мы видим в последнее время, к сожалению, и в Западной Европе тоже. Напрашивается противоположный авторскому оптимизму вывод, что развитие инновационных технологий и их внедрение облегчено в странах с авторитарным режимом, а те демократические государства, которые уже лидируют в инновационном и демократическом отношении, напротив, двигаются, к сожалению, назад в плане защиты прав человека, в сфере развития гражданского общества и правового государства.

Критика США в сфере нарушений ими прав человека внутри страны и их псевдоправозащитной политики в мире не должна восприниматься как восхваление нами того, что имеет место в этом отношении в России, просто потому, что критика одних не должна восприниматься как восхваление других, о ком пока не говорится (если же говорить о России, то проблем как с инновациями, так и с демократией и правами человека у нас, как мне кажется, еще больше, чем в США). Критическая оценка политики и ситуации с правами человека в США и других странах нацелена лишь на то, чтобы показать, что практика инновационного развития в мире дает больше оснований для того, чтобы отрицать синхронность, с одной стороны, инновационного развития, а с другой – движения по пути к пра-

вовому государству и гражданскому обществу, как оптимистически утверждает автор в своей монографии.

Поддерживаю вывод Д. В. Грибанова о том, что в основе национальной инновационной системы находится государственная инновационная политика, что государственная инновационная политика – важнейшее средство осуществления инновационной функции государства (с. 128–152): анализируя указанную проблему, автор убедительно обосновывает сущность и определение указанной политики, ее место, роль и значение в развитии конкретных инновационных правовых отношений. Считаю одним из важнейших вкладов автора в разрабатываемую проблематику обоснование им необходимости выделять «особый комплекс» естественных и конституционных прав человека в сфере инноваций, комплексный институт прав человека в инновационной сфере (с. 113, 114, 151). Это позволит проводить более целенаправленную защиту указанного комплекса прав, так как практика показывает, что инновации, помимо положительного эффекта, нередко несут вместе с собой и угрозу правам человека как в целом, так и в отношении выделенного автором специфического инновационного их комплекса, или подсистемы.

Представляется несколько преувеличенной увлеченность автора необходимостью стимулирования общества инновациями. Мягкое стимулирование инноваций – это правильно и хорошо, но когда Д. В. Грибанов добавляет к этому не только возможность, но и необходимость навязывания обществу инноваций, то здесь с ним согласиться трудно. В частности, исследователь пишет, что конкретные инновационные отношения необходимо «стимулировать и даже “навязывать” обществу с точки зрения его глобальных интересов и потребностей» (идея «навязывания» проводится на с. 13, 134, 170 и др.).

История России отличается не только величием, но и трагизмом: мы неоднократно уже пытались насильственно осчастливить наше общество, выполняя заветы великих мыслителей, начиная с Платона, Маркса, Ленина и т. д. Мы уже пытались навязать людям коммунизм, развитой социализм и много еще чего «хорошего». Поэтому хотелось бы теперь, чтобы мы, наученные нашим горьким историческим опытом, были поосторожнее с навязыванием нашему народу, и самим себе в том числе, тех или иных красивых идей. Тем более что такой прогрессистский дух – побыстрее осчастливить массы новыми гениальными инновационными идеями – нарушает выделенный самим же автором комплекс инновационных прав и свобод. И за примерами того, что навязывание чего бы то ни было в нашей жизни всегда остается опасным, далеко ходить не надо. Возьмите совсем недавний пример, когда на пути ускоренного внедрения инноваций наш законодатель не успевает выполнять даже требования нашего Основного Закона – Конституции РФ, что не может не вызывать глубокого сожаления. Так, принимая Федеральный закон от 09.02.2007 № 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об образовании” и Федеральный закон “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” в части проведения единого государственного экзамена» и вводя этот последний (ЕГЭ) в порядке эксперимента, законодатель в подпункте «а» п. 2 ст. 1 указал, что «освоение образовательных программ основного общего, среднего (полного) общего образования и профессиональных образовательных программ завершается **обязательной** итоговой аттестацией обучающихся», и в п. 4 ст. 3 добавил, что «в 2007 году единый государственный экзамен проводится **в порядке**, установленном Правительством Российской Федерации для проведения **эксперимента** по введению единого государственного экзамена» (выделено во всех случаях нами. – А. С.). Выделенные в тексте закона формулировки – «обязательность» ЕГЭ и проведение его «в порядке эксперимента» – противоречат запрету ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, которая устанавливает, что «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным

или иным опытом». В данном случае, как следует из процитированного Федерального закона, имел место эксперимент, который в силу своей **обязательности** реализовался в жестком, принудительном порядке. Никто не считал нужным выполнить прямое требование Конституции РФ и спросить согласия подопытных детей и их родителей на проведение такого, как оказалось, совершенно неподготовленного и далеко не во всех деталях продуманного эксперимента, который подпадает под формулировку «иног опыта» (т. е. организационного, управленческого и т. п.).

Весьма емкой и глубокой по содержанию разработанных идей и положений представляется гл. 3 монографии – **«Право и национальная инновационная система»**, состоящая из пяти параграфов. Здесь автор всесторонне анализирует право как регулятор и условие инновационного развития, рассматривает влияние инноваций на право, раскрывает предмет инновационного правового регулирования – отношения в сфере инновационного развития и складывающиеся здесь правовые институты, сравнивает происходящие в стране процессы с зарубежным опытом в данной сфере, весьма подробно изучает особенности правового обеспечения национальной инновационной системы на уровне регионов РФ (к данному разделу примыкает и Приложение, имеющееся в работе) и систематизирует вызовы правовой организации национальной инновационной системы РФ в контексте информатизации и глобализации.

В целом можно отметить, что в работе представлена довольно стройная и логичная система правового регулирования в сфере инновационного развития общества, которую, по справедливому мнению автора, можно представить как комплексный межотраслевой институт.

В заключении (с. 277–280) автор формулирует выводы, в том числе кратко излагает концепцию формирования правовых основ национальной инновационной системы РФ в условиях информатизации и глобализации, а также указывает, какие правотворческие преобразования в инновационной сфере повысят эффективность ее правового регулирования. В данную правовую основу он включает «общий для права и экономики понятийный аппарат», «особую систему правового регулирования в сфере инноваций» и «систему государственной инновационной политики» (см. также с. 173).

Несмотря на некоторые дискуссионные положения, монография Д. В. Грибанова представляет несомненный интерес и будет полезной как для юристов, так и для других специалистов, работающих в инновационной сфере.

Семитко Алексей Павлович,
д-р юр. наук, профессор, декан юридического факультета,
заведующий кафедрой публичного права
НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург),
приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция)